

Ольга ДАРСКАЯ

КНИГА
С ПУСТЫМИ
СТРАНИЦАМИ

Мир Азми

Ольга Ларская

Книга с пустыми страницами

«Автор»

2026

Ларская О.

Книга с пустыми страницами / О. Ларская — «Автор», 2026

Она нашла его дневник в четверг. На нижней полке, за стеллажом, куда никто не заглядывает Обложка из драконьей чешуи. Тёплая. Пульсирует, как сердце. А текст расцветает только под её пальцами - тёмно-золотой, дрожащий, написанный кем-то, кто ждал её полторы тысячи лет. Не зная имени. Не зная лица. Просто - ждал Лиара - обычная библиотекарь с чернильным пальцем и привычкой к булочкам. Вейрен - последний дракон клана Тихих Сумерек, у которого её имя горит на рёбрах с рождения. Он построил ей дом. Посадил яблони. Собрал двадцать три тысячи книг. Написал дневник в обложке из собственной чешуи. И заснул каменным сном на тысячу лет, потому что ждать - больно, а не ждать - невозможно Она прочитала его слова и полетела через полмира. На полукровке с рваными крыльями. Потому что есть письма, после которых нельзя остаться на месте Он мурчит во сне и отрицает. У него розовеют уши. Он не умеет в ложки и врезается в двери. И шестьсот лет тренировался сказать ей одно слово

© Ларская О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Книга с пустыми страницами

Глава

Книга с пустыми страницами

Романтическое фэнтези 16+

✧ ✧ ✧

Ольга Ларская

Мир Аэлии

✧ ✧ ✧

Тем, кто ждёт.

И тем, кто приходит.

Глава 1. Пыль, которая помнит

◆ ◆ ◆

Библиотека пахла так, будто кто-то смешал мёд, старую кожу и немножечко грозы. Не спрашивайте, как пахнет гроза внутри здания - я и сама не знала, пока не устроилась работать в архивное крыло академии Небесного пламени. Но вот пахла. Именно так, как если бы молния однажды ударила в стеллаж и навсегда оставила в дереве свой тёплый, горьковатый след свежести.

Меня зовут Лиара. Лиара Тэсс, если кому-то интересны фамилии, хотя обычно в академии все обходились без них - тут важнее, к какому крылу ты приписана, чем кто были твои родители. Моё крыло - архивное. Нижний уровень. Там, где даже свет из окон доходит неохотно, словно ему лень спускаться по винтовой лестнице вслед за мной каждое утро.

Главное моё достижение в жизни состояло в том, что я могла на ощупь отличить пергамент третьей эпохи от пергамента пятой. По текстуре волокон. Мама сказала бы, что я размываю себя на пустяки. Отец промолчал бы. Он всегда молчал, когда речь заходила о моих решениях, и в этом молчании было больше одобрения, чем во всех словах, которые мама произносила вслух.

Тот день - четверг. Запомните, пожалуйста. Потому что всё, что случилось потом, началось в четверг, и у меня иногда возникает безумное подозрение, что четверги вообще существуют только для того, чтобы переворачивать жизни.

Мне нужно было каталогизировать нижнюю полку в секторе Д-17. Сектор Д-17 - место, куда даже библиотекари с тридцатилетним стажем заглядывали с выражением лица, которое обычно приберегают для визитов к зубному целителю. Там хранились книги без классификации. Без авторов. Иногда - без названий. Просто книги, которые когда-то кто-то принёс, положил на полку и забыл, и они лежали там десятилетиями, а может, и столетиями, обрастая пылью, которая в академии вела себя не совсем как обычная пыль.

Итак. Сектор Д-17, нижняя полка, четверг.

Я сидела на корточках, потому что стул не помещался в проход между стеллажами (архивное крыло проектировали явно для существ потоньше, чем человеческие женщины с привычкой к сладким булочкам из академической пекарни). Фонарик - маленький, магический, мерцающий зеленовато-золотым - я зажала зубами. Обе руки были заняты: левая придерживала стопку уже описанных томов, правая выживала из темноты следующий.

И вот тогда я её нашла.

Книгу.

Нет, не так. Книга нашла меня.

Она лежала не на полке. Она лежала за полкой - в узкой щели между задней стенкой стеллажа и каменной кладкой стены. Как будто соскользнула туда давным-давно и никто не заметил. Или как будто спряталась. Я бы не обратила внимания - мало ли что валяется в щелях сектора Д-17, - но мои пальцы, когда коснулись корешка, ощутили тепло.

Не остаточное тепло. Не то рассеянное ощущение, которое оставляет магия в старых предметах. Нет. Живое тепло. Как если бы я коснулась чьей-то кожи.

Я выронила фонарик.

Темнота проглотила сектор Д-17 - вся, сразу, целиком. И в этой темноте единственным, что я ощущала, было тепло под пальцами. Оно пульсировало. Медленно. Ровно. Как сердцебиение.

Мне бы встать. Уйти. Позвать мастера Рувена, сдать находку по протоколу, заполнить форму, выпить чай и забыть. Так делает нормальный библиотекарь, когда находит в щели необъяснимо тёплую книгу. Нормальный библиотекарь. Не я.

Я потянула.

Книга не хотела выходить. Или, может, она хотела, чтобы я потянула сильнее - чтобы вложила усилие, чтобы заслужила. Не знаю. Откуда мне знать, чего хотят книги.

(Впрочем, после всего, что случилось, я уже ничему не удивляюсь.)

Корешок был тёмный - цвет дымчатого янтаря, если такой существует. Обложка без надписей. Без узоров. Просто ровная, тёплая, дышащая поверхность. Кожа? Нет. Чешуя. Тончайшая, идеально подогнанная, отполированная временем до матового блеска. Драконья чешуя.

Я знала, как выглядит переплёт из драконьей чешуи. Мастер Рувен показывал - один раз, специально, чтобы мы умели узнавать. Такие книги были редкостью. Штучной, безумной, головокружительной редкостью. Драконы не дарили свою чешую просто так. Каждая пластинка - часть тела, часть магии, часть души. Переплести книгу в драконью чешую значило вложить в неё себя. Буквально.

Нет, я обещала не использовать это слово. Просто - вложить себя.

Я подняла фонарик с пола, подержала его щекой (привычка - руки заняты, а зубы уже болят), и в зеленовато-золотом свете осмотрела находку.

Около двухсот страниц. Может, больше - сложно сказать, не раскрывая. Формат небольшой, чуть больше моей ладони. Никаких застёжек, никаких замков, никаких защитных знаков. Только чешуя. Тёплая. Пульсирующая.

Я открыла.

И первое, что я увидела - ничего.

Пустые страницы. Белые, сливочно-белые, с едва заметной текстурой волокон. Ни единой буквы. Ни единого знака. Я перевернула одну, другую, третью - пусто. Вся книга - чистая. Двести с лишним страниц молчания, заключённого в переплёт из драконьей чешуи.

Кто переплетает пустую книгу в собственные чешуйки?

Кто-то, кому очень важно, что будет написано. Или кто-то, кто ждёт, что написанное появится само.

Я провела пальцами по первой странице. Просто так - бездумный жест, привычка, я всегда так делала с пергаментом, проверяя качество, возраст, состав. И под моими пальцами расцвели чернила.

Не проступили. Не проявились. Расцвели - как цветок, как рассвет, как улыбка. Буквы выростали из-под моей кожи, следуя за движением руки, будто я вытягивала их из глубины страницы. Тёмно-золотые, чуть неровные, с характерным драконьим наклоном влево (драконы пишут иначе, чем люди, - кисть движется к сердцу, а не от него).

Первое слово, которое я прочитала, было:

«Ты».

Просто - «ты». Ничего больше. Одно слово на целой странице, тёмно-золотое, тёплое, как сама обложка.

Я убрала пальцы - и слово осталось. Не исчезло. Ждало.

Перевернула страницу. Коснулась.

И страница вздохнула текстом.

«Ты пришла.»

Две строчки. Тот же почерк. Та же тёмная позолота. Но что-то в наклоне изменилось - буквы стали чуть крупнее, чуть небрежнее, словно рука, писавшая их, дрогнула.

Сердце у меня ушло куда-то в район горла и стучало там так громко, что я была уверена - в секторе Д-18 слышно.

Коснулась следующей страницы.

«Я писал тебе так долго. Я не знаю, какое сейчас столетие. Не знаю, как тебя зовут. Не знаю, какого цвета твои глаза - хотя почему-то мне кажется, что серые, светлые, как вода горного озера в пасмурный день. Прости. Наверное, я ошибаюсь. Наверное, они карие, или зелёные, или синие - какой бы ни был цвет, я знаю, что они красивые, потому что ты - это ты, и всё в тебе будет красиво. Даже то, что ты сама считаешь некрасивым.»

Мои глаза серые.

Я захлопнула книгу. Руки тряслись. Тепло от обложки заливало ладони, поднималось по запястьям, и я не понимала - я боюсь? Или мне хорошо? Или и то, и другое одновременно, и разве так бывает?

Бывает. Оказывается, бывает.

Я сунула книгу под мантию, собрала описанные тома, поставила их на место, подняла фонарик и вышла из сектора Д-17. Спокойно. Невозмутимо. С лицом человека, который абсолютно точно не только что обнаружил в библиотечной щели книгу, которая знает цвет её глаз.

Мастер Рувен посмотрел на меня из-за своего стола.

- Ты бледная.

- Пыль, - сказала я. - Там много пыли.

Он кивнул. Пыль в секторе Д-17 - отличное объяснение для бледности, дрожащих рук и безумного выражения глаз. Пыль объясняла всё.

Я вышла в коридор, свернула направо, спустилась по малой лестнице, прошла мимо фонтана с каменными рыбами, нырнула за портьеру, за которой пряталась ниша с подоконником - моё тайное место, моё убежище, мой личный остров.

Села. Достала книгу. Положила на колени.

Обложка была такой тёплой, что мне захотелось прижать её к щеке. И я - прижала. Странное, нелепое, абсолютно необъяснимое движение. Но обложка была тёплой, а мне было страшно, и тепло - единственное лекарство от страха, которое я знала.

Открыла на той странице, где остановилась.

Коснулась.

«Меня зовут Вейрен. Вейрен из клана Тихих Сумерек. Я не умею начинать разговоры, особенно с теми, кого ещё не встретил. Но я учусь - ради тебя. Ради тебя я учусь многому. Не бойся этих страниц. Не бойся меня. Я просто дракон, который ждёт. Мы все ждём - все драконы рождаются с именем аэль, выжженным на внутренней стороне рёбер. Не снаружи. Не на чешуе. Внутри, на костях, где никто не увидит - но каждый вздох напоминает. Каждый вдох - твоё имя. Каждый выдох - ожидание.»

Аэль. Связь. Я знала - теоретически, книжно, отстранённо, как знают формулы или даты. Связь дракона с его парой - нечто, выходящее за пределы любви, за пределы выбора, за пределы самой жизни. Каждый дракон рождался с именем того, кто предназначен ему, - и некоторые ждали столетиями. Некоторые - не дожидались.

А некоторые, получается, писали дневники.

В пустые книги, переплетённые в собственную чешую.

Для тех, кто придёт потом.

Я перевернула страницу. Пальцы дрожали. Текст расцвёл медленнее - словно он подбирал слова, словно они рождались прямо сейчас, а не были записаны века назад.

«Сегодня шёл дождь. Я стоял на краю острова Аэн-Тарис и смотрел, как вода падает вниз, в Разлом, и думал - а ведь и ты когда-нибудь будешь стоять на краю какого-нибудь острова. И дождь будет падать тебе на волосы. И ты будешь думать о чём-то своём, человеческом, маленьком и важном. И не будешь знать, что за десять или сто или триста лет до этого мгновения я стоял вот так, на краю, и думал о тебе. О тебе, которую ещё не было. Которая ещё не родилась. Которую я уже - почему-то, каким-то необъяснимым, нелогичным, абсолютно иррациональным образом - люблю.»

Я закрыла книгу.

Потому что у меня потекли слёзы, а плакать над книгой в нише за портьерой, прижимая к груди чужой - нет, не чужой, мой, адресованный мне - дневник - не то, к чему меня готовила академическая карьера библиотекаря.

Я сидела, и книга лежала у меня на коленях, и была тёплой, и пульсировала, и я думала: а ведь он ждал. Всю свою жизнь. Столько, сколько жил. Каждый день. Каждый вздох.

И записывал.

Для меня.

✧ ✧ ✧

От автора. Перед тем как начнёте

✧ ✧ ✧

Так, дорогие мои, секунду

Я знаю, вы хотите сразу читать, но дайте мне буквально минуту. Одну.

Живая обложка и знакомство с героями

Эта история - она про книгу. Которая лежала в библиотеке и ждала. Обложка из драконьей чешуи, тёплая, пульсирует, текст расцветает только под пальцами одной конкретной девушки. А написал её дракон. Полторы тысячи лет назад. Для той, кого ещё нет на свете.

И она, конечно, дура, полетела его искать

Он - Вейрен. Тысяча шестьсот лет. Глаза серебристо-синие. Уши розовеют. Мурчит во сне и врёт что не мурчит. Шестьсот лет тренировался сказать одно слово. Вы поймёте какое

Она - Лиара. Библиотекарь. Чернильное пятно на пальце, булочки, «ох, курицы!» вместо ругательств. Не героиня. Просто прочитала его письма и не смогла остаться на месте

Будете плакать и смеяться одновременно. Там мама приезжает с вареньем и трогает дракона за щёку. Там коты размножаются с пугающей скоростью. Там суп, который лучше не пробовать. И там - одно слово, которое стоит тысячу лет ожидания

Всё, не задерживаю. Читайте. Только салфетки приготовьте

Ваша Оля

◇ ◇ ◇

Глава 2. Тот, кто писал в темноте

◇ ◇ ◇

Я не спала.

Не потому, что не могла - могла, наверное, если бы очень постаралась, если бы зажмурилась и заставила себя считать каменных рыб с фонтана, или повторять таблицу каталожных кодов, или думать о чём-нибудь настолько скучном, что мозг сдался бы от тоски. Но книга лежала на тумбочке рядом с кроватью, и от неё шло тепло, тихое, ровное, похожее на дыхание спящего, - и как, скажите мне, как заснуть рядом с кем-то, кто дышит?

Пусть даже через страницы. Пусть даже через века.

Комната у меня крошечная - каморка на третьем этаже общежития для младших сотрудников. Стены - серый камень. Потолок - серый камень. Пол - серый камень с ковриком, который я купила на ярмарке в прошлом году, ярко-рыжий, с кривыми кисточками, и он выглядел в моей серокаменной берлоге как попугай на похоронах. Одно окно. Одна кровать. Одна тумбочка. Один стул. Один я. Одна книга.

Два сердцебиения.

К трём часам ночи я сдалась. Зажгла свечу - настоящую, восковую, не магическую; мне казалось, что магический свет будет неуместен, слишком яркий, слишком современный для книги, которая помнила другие столетия. Восковая свеча - правильнее. Теплее. Честнее.

Открыла.

Четвёртая страница. Пятая. Шестая.

Текст рождался под моими пальцами, и каждая страница - как отдельный день его жизни. Не последовательный рассказ, нет. Скорее - осколки. Обрывки. Мысли, пойманные на лету и прижатые к бумаге, пока не улетели.

«Семнадцатый день третьей луны. Или восемнадцатый. Я всё время путаю - в Тихих Сумерках дни похожи друг на друга, как чешуйки на хвосте. Сегодня мой брат Алтейр сказал мне, что я странный. Я стоял на балконе восточной башни и смотрел вниз, на облака, а он подошёл сзади и сказал - ты странный, Вейрен, ты смотришь на облака так, будто ищешь в них кого-то. И я хотел ответить - да. Ищу. Уже сорок семь лет ищу. Но не ответил, потому что Алтейр не понял бы. У него уже есть аэль. Ему не нужно искать.»

Сорок семь лет.

Драконы живут долго - я знала. Века. Некоторые - тысячелетия. Для них сорок семь лет - всё равно что для меня четыре-пять. Детство, почти. И он уже тогда искал.

«Мне сегодня исполнилось семьдесят. По человеческим меркам - наверное, лет восемь? Девять? Я плохо понимаю человеческое время. Оно такое короткое, такое отчаянно короткое - как вспышка молнии. Как удар сердца. Вся ваша жизнь - один выдох дракона. И я боюсь. Боюсь, что ты будешь молнией. Боюсь, что я не успею. Что ты вспыхнешь и погаснешь, а я буду стоять в темноте, держа в руках пепел от света, и думать - это было? Или приснилось?»

Я остановилась. Проглотила комок в горле.

Есть что-то невыносимое в том, чтобы читать страхи того, кто любил тебя до твоего рождения. Потому что ты не можешь ответить. Не можешь сказать - я здесь. Я не молния. Я останусь. Ты не можешь ничего, кроме как сидеть в три часа ночи при свече, и читать, и чувствовать, как обложка пульсирует у тебя в руках, и знать - тот, кто это написал, ждал тебя отчаяннее, чем ты когда-либо ждала чего-либо в жизни.

Страницы шли дальше. Он рос. Менялся. Голос в записях - тоже.

«Сто двадцать лет. Я начинаю понимать, что значит - ждать. Не ждать дождя, или расвета, или конца зимы - ждать так, что само ожидание становится формой существования. Я - ожидание. Не дракон, который ждёт. А ожидание, которое приняло форму дракона. Есть разница. Я её чувствую всем телом.»

А потом - вдруг, без перехода, без предупреждения:

«Я сегодня нашёл цветок. На дальнем склоне Аэн-Тариса, там, где скала обрывается в туман. Крошечный, белый, с лепестками тоньше паутины. Он рос один - совершенно один, в трещине камня, без земли, без воды, без другого живого существа на пятьсот шагов вокруг. И цвёл. Просто - цвёл. Потому что мог. Я сел рядом с ним и просидел до вечера. Мне показалось, что он тоже кого-то ждёт. Или, может, он ждёт дождя, а я приписываю ему свою тоску. Люди это называют - проекция? Драконы называют - бред сумеречного крыла. Но цветок был красивый. И одинокий. И я подумал - ты бы его заметила. Ты бы обязательно его заметила. Я не знаю, почему я так думаю. Просто - знаю.»

Я заметила бы. Он прав.

Свеча оплавилась наполовину, когда я перевернула двадцатую страницу. Его голос стал старше - не в смысле слабее, нет. Глубже. Как река, которая течёт так долго, что прорезает ущелье.

«Двести лет. Двести лет - и я начинаю бояться другого. Не того, что ты не придёшь. А того, что когда ты придёшь - я не буду достоин. Что ты согласишься на меня, и увидишь дракона, который ждал слишком долго, и ожидание съело его, как ржавчина ест железо, и от меня осталась только оболочка. Форма. Контур того, кто когда-то мог любить, а теперь - только помнит, как это делается. Я не хочу быть контуром. Я хочу быть живым. Для тебя - живым.»

Мне пришлось отложить книгу и встать. Подойти к окну. Открыть ставни. Ночь навалилась на лицо холодным, сырым, сладким воздухом - внизу, далеко внизу, между островами плыл туман, и где-то на горизонте маяки перемигивались оранжевым, и всё было таким обычным, таким нормальным, и я стояла у окна, и у меня тряслось всё внутри.

Двести лет. Он ждал двести лет.

И каждый день - записывал. Мне. Девочке, которая не родилась. Которая не существовала. Которая была ничем - дыханием на рёбрах, именем на кости, обещанием, которое дала природа, или судьба, или что бы там ни управляло связями аэля.

Я вернулась. Села. Взяла книгу.

Она была тёплой.

И я продолжила читать.

«Знаешь, что самое странное? Я разговариваю с тобой. Каждый день. Вслух. Мой брат думает, что у меня помутился рассудок, и, может быть, он прав, - разговаривать с тем, кого нет, не совсем нормально даже по драконьим меркам. Но мне нужно тренироваться. Нужно, чтобы мой голос привык произносить нежные слова, потому что иначе, когда ты придёшь, я открою рот - и из него вылетит какая-нибудь фраза про погоду. Или про охоту. Или про кристаллическую структуру горных пород. Драконы клана Тихих Сумерек - мы не умеем в слова. Мы молчуны. Мы думаем в тишине, летаем в тишине, даже любим - в тишине. Но для тебя я хочу научиться говорить. Для тебя я хочу стать шумным, непослушным, избыточным - как ветер, который не умеет дуть вполсилы.»

Я засмеялась. Тихо, в подушку. Потому что представила себе огромного тёмного дракона, который стоит в своей пещере и тренируется говорить нежные слова вслух, и запинаясь, и начинает сначала, и его брат проходит мимо и крутит когтистым пальцем у виска.

И мне стало больно от этого смеха. Потому что - он ведь правда делал это. Правда стоял и тренировался. Для меня.

Для меня, которая ещё не родилась.

Для меня, которая сидит сейчас в каморке на третьем этаже и читает его слова, и каждое из них - как прикосновение. Как рука, протянутая через столетия. Как голос в темноте, говорящий: подожди. Я здесь. Я всегда здесь.

Свеча догорела на двадцать пятой странице.

Я зажгла вторую.

«Триста лет. Три столетия - и мир изменился так, что я его не узнаю. Острова сместились. Потоки изменили русло. Академия, в которой я когда-то учился, перестроена заново - та, старая, сгорела в войне Четырёх Крыльев. Новая красивее. Но мне всё равно. Мне всё равно, какие башни и какие стены - мне важно только одно: где-то в этих стенах, или в других стенах, или вообще не в стенах, а в поле, или на корабле, или в маленьком доме с садом - где-то однажды ты откроешь глаза. Впервые. И закричишь. Впервые. И кто-то возьмёт тебя на руки. Впервые. И ты не будешь знать, что на другом конце мира - или в другом столетии - дракон услышит этот крик. Не ушами. Рёбрами.»

Триста лет.

Я прижала книгу к груди и легла на бок, и лежала так, свернувшись вокруг неё, и чувствовала тепло. И тепло - чувствовало меня. Мне не нужно было быть учёной, чтобы понять: чешуя на обложке реагировала на мои прикосновения. Становилась теплее. Ярче. Живее. Как будто книга просыпалась - медленно, сонно, неохотно, как просыпаются те, кто спал слишком долго и забыл, каково это - быть бодрствующим.

И я подумала - а что, если он всё ещё ждёт?

Что, если он - не история? Не прошлое? Не призрак, растворённый в чернилах?

Что, если он - живой?

◆ ◆ ◆

Глава 3. Когда книги врут (а когда - нет)

◆ ◆ ◆

Утром я была ужасна. Не в переносном смысле - в буквальном. Зеркало в умывальной показало мне лицо, которое обычно получается, когда человек не спал всю ночь и плакал, а потом засмеялся, а потом снова заплакал, а потом заснул на двадцать минут, а потом проснулся от того, что книга на тумбочке стала горячей. Красные глаза. Припухший нос. Волосы - не стану описывать, что было с волосами. Скажу только, что мой кот (если бы у меня был кот) принял бы их за гнездо.

Я опоздала на смену. Мастер Рувен посмотрел на меня долгим, внимательным взглядом - у него были такие глаза, серебристо-серые, похожие на монеты, и от этого взгляда всегда хотелось признаться во всём, даже в том, чего не делала.

- Плохая ночь?

- Читала допоздна, - ответила я, и в этом была правда. Не вся правда, но достаточная её часть.

Он хмыкнул. Мастер Рувен понимал людей, которые читают допоздна. Он сам был из таких - вечно с тёмными кругами, вечно с книгой в кармане, вечно с пятнами от чернил на пальцах. Мне повезло с наставником. Кто-то другой задавал бы вопросы.

Смена прошла как в тумане. Я каталогизировала, переписывала, сортировала - всё, что составляло мой обычный день, - но мысли были не здесь. Мысли были в каморке на третьем этаже, на тумбочке, под подушкой (да, я спрятала книгу под подушку, как пятилетняя девочка прячет украденную конфету, и мне ни капли не стыдно).

Вейрен.

Клан Тихих Сумерек.

Я знала о Тихих Сумерках - немного, смутно, обрывочно. Один из старых кланов. Не самый знаменитый, не самый могущественный, но один из самых загадочных. Драконы этого

клана были известны тем, что их чешуя меняла цвет в зависимости от времени суток. На рассвете - серебристо-лиловая. В полдень - почти прозрачная. В сумерках - тёмно-синяя, как глубокая вода. А ночью - чёрная, полностью, абсолютно чёрная, так что они сливались с небом и становились невидимыми.

Тихие. Сумеречные. Те, кто живёт на границе между светом и тьмой.

И он - Вейрен - был одним из них. Дракон, чья чешуя темнела к ночи. Дракон, который разговаривал с пустотой и записывал свои слова в книгу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.